УДК 34

Необходимость пересмотра определения комбатанта в условиях изменяющихся вооруженных конфликтов

Микрина Валентина Геннадьевна

Кандидат юридических наук, доцент,
И.о. заведующего кафедрой публичного права,
Одинцовский филиал,
Московский государственный институт международных
отношений (университет) Министерства иностранных дел РФ,
143007, Российская Федерация, Одинцово, ул. Ново-Спортивная, 3;
e-mail: Mikrina@mail.ru

Назаров Георгий Олегович

Студент,
Одинцовский филиал,
Московский государственный институт международных
отношений (университет) Министерства иностранных дел РФ,
143007, Российская Федерация, Одинцово, ул. Ново-Спортивная, 3;
e-mail: info@publishing-vak.ru

Аннотация

В статье исследуются современные вызовы международному гуманитарному праву, связанные с трансформацией характера вооружённых конфликтов и необходимостью переосмысления традиционных правовых категорий. Основное внимание уделяется проблеме определения статуса комбатанта в условиях гибридных войн, участия частных военных компаний, высокой степени вовлеченности гражданского населения в конфликты и его присутствия в зонах активных боевых действий. Анализируются положения Женевских конвенций и Дополнительных протоколов, а также их соответствие динамике современных конфликтов, где границы между комбатантами и гражданскими лицами становятся всё более размытыми. Рассматриваются правовые коллизии, возникающие при квалификации участников боевых действий, и их последствия для защиты гражданского населения, обеспечения подотчётности за нарушения и соблюдения базовых принципов МГП. Обосновывается необходимость адаптации правовых норм к новым реалиям, включая разработку универсальных критериев для идентификации комбатантов и усиление международно-правовых механизмов контроля.

Для цитирования в научных исследованиях

Микрина В.Г., Назаров Г.О. Необходимость пересмотра определения комбатанта в условиях изменяющихся вооруженных конфликтов // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 3А. С. 663-675.

Ключевые слова

Международное гуманитарное право, комбатант, гибридные конфликты, частные военные компании, правовой статус, Женевские конвенции, гражданское население, негосударственные акторы.

Введение

Для того, чтобы в дальнейшем эффективно рассуждать насчет неполноты положений Красного Креста, таких как, например 'Code of Conduct for Combatants'[Кодекс поведения комбатантов, www] или же иные учебники и руководства, написанные под эгидой МККК, Женевской Конвенции и Дополнений к ней, или же другой степени ограниченности этих документов, для начала нужно представить определение теме данной исследовательской работы – комбатантам. Еще Гагская Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 18 октября 1907 года [Гагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, 1907] содержала в себе положение, согласно которому «воюющими» или же «комбатантами» являются не только армии – солдаты.

Основное содержание

Комбатантами еще с тех времен было принято считать любое вооруженное формирование, обладающее четырьмя основным условиями: они должны были иметь во главе лицо, ответственное за своих подчиненных; открыто носить оружие; иметь определенный и явственно видимый издали отличительный знак; а также соблюдать в своих действиях законы и обычаи войны. Правила ведения войн до этого момента никогда не включали в себя каких-либо формирований, не являющихся воинскими, а именно добровольческих, например.

Следующим же документом, внесшим нововведения в порядок определения комбатантов, а также общим началом международного гуманитарного права, стали Женевские Конвенции и Дополнительные протоколы к ним. Для данного исследования самым важным международным правовым актом будет конкретно 1-ый Дополнительный протокол [Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям, 1949], так как вся его третья часть посвящена методам и средствам ведения войны, а также статусу комбатантов и военнопленных. Статья 43 данного документа гласит, что «вооруженные силы стороны, находящейся в конфликте, состоят из всех организованных вооруженных сил, групп и подразделений, находящихся под командованием лица, ответственного перед этой стороной за поведение своих подчиненных, даже если эта сторона представлена правительством или властью, не признанными противной стороной. Такие вооруженные силы подчиняются внутренней дисциплинарной системе, которая, среди прочего, обеспечивает соблюдение норм международного права, применяемых в период вооруженных конфликтов.» Данный документ фактически определяет любые вооруженные формирования, следующие какому-либо командованию (будь то объединенное командование вооруженных сил государства, за которое они воюют или же внутреннее командование самого формирования) как «вооруженные силы». Помимо этого, статья 47 вносит такое понятие как «наемник» в международное гуманитарное право, утверждая, что последним является лицо, не обладающее статусом комбатанта, участвующее в боевых действиях. Наемником может являться исключительно то лицо, которое: специально завербовано на месте или за границей для того, чтобы сражаться в вооруженном конфликте; фактически принимает непосредственное

участие в военных действиях; принимает участие в военных действиях, руководствуясь, главным образом, желанием получить личную выгоду, и которому в действительности обещано стороной или по поручению стороны, находящейся в конфликте, материальное вознаграждение, существенно превышающее вознаграждение, обещанное или выплачиваемое комбатантам такого же ранга и функций, входящим в личный состав вооруженных сил данной стороны; не является ни гражданином стороны, находящейся в конфликте, ни лицом, постоянно проживающим на территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте; не входит в личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте; и не послано государством, которое не является стороной, находящейся в конфликте, для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в состав его вооруженных сил.

Далее, еще одним обязательным признаком, а также задачей, комбатанта является разграничение с гражданскими лицами. Это фактически первейшая обязанность комбатантов. По сути, все международное гуманитарное право построено именно так, чтобы комбатанты, будь то военнослужащие или же участники спонтанных массовых выступлений, могли быть отличены от гражданского населения. Однако, конкретно с этим в современном мире, а конкретнее – в современных боевых действиях, возникают проблемы.

Фактически, классический подход к данной проблеме предусматривает наличие «непосредственных участников» в конфликтах (лиц из состава вооруженных сил, участников спонтанных выступлений) – лиц, активно принимающих участие в боевых действиях на одной из сторон конфликта, а также «косвенных участников» (гражданского населения и других) – лиц, не являющихся стороной конфликта, некомбатантов. Конкретно в данном ограниченном подходе кроется проблема определения именно «комбатантов» в современной эре гибридных войн.

Классический подход имеет некоторые трудности в идентификации двух видов лиц, которые хоть и принимают участие в боевых действиях напрямую, но все еще пользуются определенными правами, или же не обладают какими-либо привилегиями, на которые могут рассчитывать комбатанты. Первыми из этих лиц являются уже вышеупомянутые наемники, как простые иностранные граждане, вступившие в вооруженные силы другого государства, или же сотрудники специальных военных корпораций, которых в современном мире принято называть Частные Военные Компании (в дальнейшем ЧВК).

Современная правовая действительность демонстрирует высокую степень неопределенности в квалификации персонала частных военных и охранных организаций в рамках международного гуманитарного права. Как отмечал бывший президент МККК Якоб Келленбергер, отсутствие четких критериев их статуса создаёт системную угрозу принципам защиты жертв конфликтов. Эта проблема носит глобальный характер: национальные законодательства демонстрируют противоречивый подход даже внутри отдельных правовых систем. В Соединенных Штатах Америки, например, граждане в боевых действиях делятся на военных и гражданских, что приравнивает сотрудников ЧВК к последним. Их фактическое участие в боевых операциях (например, Blackwater в Ираке) спровоцировало серию парламентских расследований. В 2022 году Конгресс инициировал слушания по делу компании «Академи» (бывшая Blackwater), обвиняемой в незаконных убийствах гражданских в Афганистане [Кулебякин, Королькова, 2015].

В Великобритании Палата лордов в 2023 году рекомендовала приравнивать ЧВК, участвующие в наступательных операциях, к нерегулярным воинским формированиям, однако правительство отклонило эту инициативу. Официальная позиция парламента этого государства

гласит, что рост ЧВК и их участие в конфликтах (Сьерра-Леоне, Балканы и др.) усилили требования к их регулированию. Несмотря на заявления ЧВК о соблюдении законов и Женевских конвенций, парламент указывает на риски бесконтрольных операций. Компании, такие как Sandline, не только обучают, но и участвуют в боевых действиях как «силовой мультипликатор» - увеличитель боевого потенциала нанимающих ЧВК лиц или же государства [Перспективы частных военных компаний, 2002].

В США согласно инструкции Министерства обороны No 3020 50 от 22 07 2009 года «О частных охранных контрактниках, выполняющих чрезвычайные операции, гуманитарные операции и другие военные операции»¹² предусмотрено, что ЧВОК могут работать за рубежом по контракту с Минобороны, выполняя чрезвычайные операции. Чрезвычайной операцией является военная операция, санкционированная Минобороны, в которой также участвуют военнослужащие США при выполнении боевых операций против врагов США или оппозиционных сил. Кроме того, сотрудники ЧВОК вправе выполнять иные функции: комплексные чрезвычайные операции (гуманитарная поддержка, поддержка восстания), другие военные операции или боевую подготовку военнослужащих, санкционированную Министерством обороны [Кулебякин, Пронина, 2014].

Что же касается международного права, то ни международное гуманитарное право, ни международные договоры в области прав человека прямо не упоминают ЧВК или их сотрудников. Международные и региональные конвенции регулируют лишь деятельность наёмников, игнорируя ЧВК. МПП не определяет законность наёмничества и не устанавливает ответственность за участие в нём, ограничиваясь статусом наёмника при захвате. Некоторые учёные связывают это с восприятием частных подрядчиков как наёмников, чей статус регулируется двумя международными антинаёмническими договорами. Однако МПП сохраняет актуальность, поскольку деятельность ЧВК затрагивает законы и обычаи войны и носит глобальный характер. Некоторые авторы утверждают, что это упущение связано с тем, что частные подрядчики воспринимаются просто как наёмники, чей статус и последствия захвата определяются правом вооруженных конфликтов через, например, Международную конвенцию о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников от 4 декабря 1989 года [Международная конвенция о борьбе с наемничеством, 1989].

Более того, правовая литература классифицирует персонал ЧВК либо как гражданских лиц, либо как комбатантов, и способ их регулирования зависит от характера их деятельности и их связи с вооруженными силами одной из воюющих сторон. Если частные подрядчики воспринимаются как комбатанты, от них потребуются отличаться от гражданских лиц; если они рассматриваются как гражданские лица, им не будет разрешено принимать прямое участие в боевых действиях, и если они это сделают, это лишит их любой защиты, на которую они могли бы претендовать по МПП, открыв их для преследования в соответствии с соответствующим национальным правом [Регулирование деятельности частных военных компаний, 2022].

Однако сразу же возникает вопрос, а как четко обозначить эту самую степень вовлеченности? Для этого требуется анализ конкретных действий, их характера, целей деятельности, а также связей с воюющей стороной. Согласно анализу Европейского Парламента, в настоящее время частная военная и охранный индустрия предоставляет широкий спектр услуг, различающихся по степени приближенности к линии военного фронта. К таким услугам относятся, но не ограничиваются следующим [Роль частных военных компаний в ЕС, 2008]:

– функции, которые больше не считаются «основными» военными и/или не требуют

- военных навыков — например, стирка, снабжение продовольствием, общее медицинское обслуживание или обучение вождению;
- небоевые услуги в тыловом эшелоне или непосредственно в зоне проведения операций, такие как обслуживание ключевых систем вооружения, заправка топливом, ремонт/обслуживание транспортных средств, доставка снабжения и другая логистическая и коммуникационная поддержка;
 - операционная поддержка в условиях боевых действий;
 - вооружённая защита лиц и объектов; и
 - консультирование и обучение местных сил, часто в рамках программ реформирования сектора безопасности (РСБ), спонсируемых донорами.

Однако данный анализ упускает одну из «новых» задач, которую стали выполнять ЧВК в последнее время – а именно оказание услуг, так называемого «кинетического» характера. Говоря же более простым языком – определение контингента подрядчика для ведения боевых действий. Именно данная задача является самым большим пробелом в международном гуманитарном праве относительно ЧВК, ведь последнее не устанавливает четких норм регулирования правового статуса сотрудников частных военных компаний, при условии их прямого участия в конфликтах наравне с военнослужащими какого-либо государства. Для того, чтобы выявить необходимость пересмотра сотрудников ЧВК в формате «комбатантов» необходимо проанализировать несколько примеров.

Первым примером можно привести достаточно общеизвестную частную военную компанию «Вагнер». За последние десять лет вооруженные силы РФ достаточно часто использовались как для обеспечения общественной безопасности: референдум по присоединению Крыма (2014 г.), так и в различных вооруженных конфликтах: антитеррористическая операция в Сирии (с сентября 2015 г.); миротворческая операция в Нагорном Карабахе (ноябрь 2020 г.); подавление протестов в Казахстане (январь 2022 г.); специальная военная операция по демилитаризации и денацификации Украины (с 24 февраля 2022 г.). В последней со стороны Российской Федерации принимают участие сотрудники вышеупомянутой ЧВК. Сотрудники ЧВК «Вагнер», участвовали в штурме населённых пунктов в зоне проведения специальной военной операции, формально не входя в состав ВС РФ, но действовав как ударные группы.

Именно здесь возникает первый конфликт действительности и норм международного гуманитарного права. Это можно заметить в трех определенных казусах: Например, вооруженные формирования частной военной компании «Вагнер» входили в состав вооруженных сил Российской Федерации исключительно формально. На деле, и командование ВС РФ, и основатель ЧВК «Вагнер» - отрицали связь последней с вооруженными силами Российской Федерации [Деятельность ЧВК Вагнер, 2023]. Однако, есть и обратные примеры, согласно которым ЧВК не может считаться наемным формированием, ибо в 2022 году основатель компании отмечал, что Вагнер является «группой патриотов, которая встала на защиту русского населения Донбасса», подтверждая, что формирование вступило в конфликт не в поисках выгоды, а по идеологическим соображениям [История ЧВК Вагнер, 2023].

Перед тем как уходить от темы частной военной компании, стоит также упомянуть, что несмотря на спорный статус комбатанта, в случае с ЧВК, в теории является довольно очевидным кого именно винить за военные преступления, совершающиеся последними. Государство отвечает за действия частных военных компаний (ЧВК), если они действуют по его указаниям

или под его контролем, даже без формального включения в госструктуры. Это подтверждают: Проект статей об ответственности государств (ООН, 2001); Практика МС ООН (дело Никарагуа против США, 1986) [Иностранцы добровольцы на Украине, 2022]. Однако, как уже было сказано выше, чвк фактически не было связано с ВС РФ или же Российской Федерацией, что лишь усложняло их определение как комбатанта.

Вторыми из этих лиц являются де-юре «добровольцы» или же фактические де-факто наемники, воюющие на стороне государства Украина в этом же конфликте. Если же рассматривать их согласно Дополнительному протоколу I к Женевским конвенциям, то можно выявить три основных признака, согласно которым их статус начинает становиться более «размытым» и непонятным.

Во-первых, основным мотивом вышеупомянутых «непосредственных участников конфликта» должна являться материальная выгода. Официальная позиция Украины гласит о том, что иностранцы оформляются через Центр рекрутинга иностранцев и лиц без гражданства, что формально интегрирует их в структуру ВСУ. Это позволяет Киеву утверждать, что они — добровольцы, действующие по идеологическим убеждениям, а не ради прибыли. Президент Украины лично заявлял, что вышеупомянутые лица являются «иностранным легионом», а сами же их участники: «встают на защиту Украины, Европы и Мира» [Иностранцы добровольцы на Украине, 2022].

Однако, в это же время, так называемые «волонтеры» Иностранного Легиона:

- Вступают под командование вооруженных сил, но попадают в отдельные «международные» вооруженные формирования, отделяя их от общего верховного командования напрямую.
- Несмотря на позицию об «идеологических убеждениях», данные лица получают гораздо большее жалование, чем большинство военнослужащих стран мира. Например, согласно официальному сравнению зарплат солдат государств Европейского Союза, «иностранцы легионеры» зарабатывают больше чем солдаты каждого государства Европы кроме Швейцарии и Люксембурга [Зарплаты военнослужащих в ЕС, 2020]. Более того, солдаты, присоединяющиеся к иностранному легиону согласно множеству статей получают сравнительно больше, чем солдаты ВСУ [Наемники в вооруженном конфликте, 2023].
- Могут получить гражданство стороны конфликта [Гражданство для иностранных наемников, 2024].

Во-вторых, иностранные «волонтеры» начали появляться в Украине еще задолго до начала Специальной Военной Операции. Киев подтвердил участие иностранных наемников в спецоперации на востоке страны еще в 2014 году, утверждая, что на стороне режима воевали «представители других стран» [Участие наемников в Донбассе, 2014]. Более того, ссылаясь на анализ профессора Ивана Ивановича Котлярова «С точки зрения международного гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов, сложившееся военное противостояние в Украине можно охарактеризовать как вооруженный конфликт немеждународного характера, в котором одной стороной являются вооруженные силы Украины, поддерживаемые неформальными вооруженными группами «Правый сектор» и частными вооруженными охранными компаниями (ЧВОК), не имеющими лицензии правительства Украины на участие в военных действиях в составе вооруженных сил, что противоречит ст 43 Дополнительного протокола I 1977 г 21, ст 17 Конституции Украины от 28

июня 1996 г, а также ст 1 закона Украины «О борьбе с терроризмом». На стороне вооруженных сил Украины воюют также иностранные наемники, использование которых само по себе является военным преступлением.» [Котляров, Пузырева, 2014]

Вышеупомянутые факты уже ставят под сомнение то, что Украина заявляет о том, что «волонтеры обладают тем же статусом и привилегиями, что и стандартные военнослужащие ВСУ». Их статус фактически не может быть равным статусу простых военнослужащих.

Оба негосударственных вооруженных формирования несут довольно смутный характер. Каждое из них обладает признаками как наемнических, так и волонтерских организаций. Почти каждое их действие направлено на поддержку определенного государства в конфликте. Как же тогда можно определенно говорить о каком-либо статусе их согласно МГП? Это приводит к довольно большому количеству вопросов, таких как, например, содержание военнопленных под стражей.

В МГП определяются основания для содержания под стражей и указываются соответствующие процедуры как для международных, так и немеждународных вооруженных конфликтов, а в праве прав человека защита лиц, содержащихся под стражей, находит дальнейшее закрепление, так как в судебной практике его контрольных органов уточняется понятие «произвольное» или «незаконное содержание под стражей» и прописываются дальнейшие защитные меры [Саяпин, 2012]. Однако эти положения подходят исключительно к комбатантам. В реальности, любые военнопленные того же иностранного легиона освещаются по всему миру как нарушение МГП [Австралийские военнопленные, 2025], вызывая крайне негуманный вопрос, стоит ли военнослужащим брать их в плен в принципе.

Однако не только «иностранцы» или же «профессиональные наемники» осложняют современный статус и определение комбатантов. Спонтанные массовые выступления, когда население ещё не оккупированной страны при приближении неприятеля стихийно, по собственному почину берётся за оружие для борьбы с вторгающимися войсками, не успев сформироваться в вооружённые силы, вынесены отдельно еще в Кодексе Либера и Брюссельской декларации [Определение гражданских лиц, www]. Эти «стихийные участники сопротивления» определены исключительно неполноценно. Фактически, вышеприведенное определение является единственным юридическим определением, которое существует в современном МГП. Как-либо определяет *levée en masse* исключительно статья третьей Женевской Конвенции о военнопленных, и согласно ей они обладают фактически одинаковым статусом с солдатами вооруженных сил. Однако своими действиями они многократно увеличивают шанс стороны противника на открытые действия против некомбатантов, таких как, например, гражданские лица.

За всю историю такое происходило довольно часто. Например, в немецком вторжении острова Крит, можно было заметить следующее [Немецкое вторжение на Крит, www]:

- Участие гражданских лиц и полицейских в открытом бою на всех полях сражений, особенно в западных частях острова; в некоторых районах гражданские лица оказывали организованное сопротивление по военным принципам. Гражданское население, включая подростков около десяти лет, стреляло из всех видов оружия. Неоднократно наблюдались снайперы, стреляющие по кустам и деревьям.
- Мертвые и раненые солдаты подвергались ограблению и отбиранию частей одежды, в основном силами гражданского населения.

В Израиле же, например, появилась схожая проблема, особа заметная в деле «военный

прокурор против Кассема и других». Прокурор утверждал, что: «Ни одно правительство, с которым мы находимся в состоянии войны, не берет на себя ответственность за действия Народного фронта освобождения Палестины. Насколько нам известно, сама организация не готова выполнять приказы иорданского правительства, свидетельством чему является тот факт, что она незаконна в Иордании и неоднократно подвергалась преследованиям со стороны иорданских властей. Меры, которые Иордания приняла против нее, включали применение оружия. Этот тип подпольной деятельности неизвестен международному сообществу, и по этой причине, как было указано, мы не нашли прямых ссылок в соответствующей доступной литературе на то, чтобы нерегулярные силы рассматривались как незаконные властями, которым по природе вещей они должны подчиняться. Если эти власти рассматривают такую организацию, как Народный фронт освобождения Палестины, как незаконную организацию, почему мы должны считать ее организацией, к которой применимы международные правила, касающиеся законных органов?» [Дело Кассема, [www](#)].

Даже в современном мире можно увидеть случаи когда население берет в руки оружие и открыто противостоит вторжению вооруженных сил. В Афганистане, например, определенная часть населения встала на сторону действующего на сегодняшний день правительства Талибана. Однако на тот момент боевики «Талибана» нередко использовали тактику партизанской войны, растворяясь в гражданском населении, что усложняло соблюдение принципа различия комбатантов и некомбатантов – одного из базовых принципов МПП. В результате силы коалиции регулярно сталкивались с трудностями при определении законных военных целей и недопущении избыточного вреда гражданским лицам [Тактика Талибана в Афганистане, 2015].

Фактически абсолютно любые действия подобных «спонтанных массовых выступлений» так или иначе в первую очередь ставят под угрозу гражданское население своими действиями, ибо даже соблюдая все принципы МПП, они будут вызывать карательные меры против себя, как показано опытом битвы за Крит, в котором ожесточенное сопротивление гражданского населения [Гражданское сопротивление на Крите, [www](#)] привело к их смешению с комбатантами и актам возмездия против гражданского населения, опытом Израильско-Палестинского конфликта, в котором по различным отчетам за день может умереть до тысячи человек в среднем [Потери в секторе Газа, 2025], так и в конфликте в Афганистане, в котором погибло более пятисот тысяч гражданских лиц [Жертвы среди мирного населения, [www](#)]. Русинова Вера Николаевна – профессор факультета права Высшей Школы Экономики – отмечает, что: «В процессе толкования правила о том, что гражданские лица пользуются защитой, за исключением случаев и на такой период, пока они принимают «непосредственное участие в военных действиях», иногда предпринимаются попытки развести по времени период «непосредственного участия» гражданских лиц в военных действиях и период потери этими лицами защиты от нападения» [Русинова, 2011]. Однако, подавляющее большинство спонтанных массовых выступлений после непосредственных действий по участию военных действий возвращаются к обычной, гражданской жизни, фактически растворяясь в населении. Это не может привести ни к чему иному, кроме как карательных действий против населения, как показывает горький опыт вышеприведенных конфликтов.

Фактически, гражданское население, организуя уже вышеупомянутые *levée en masse*, ставит под удар не только население, не вовлеченное в конфликт, но также и объекты гражданской инфраструктуры. В условиях вооруженных конфликтов ключевая задача разграничения гражданских и военных объектов заключается в предотвращении разрушения гражданской

инфраструктуры. Так или иначе, во время действий «стихийных участников сопротивления» критерии между гражданской инфраструктурой и военной начинают довольно быстро размываться. Даже при строгом соблюдении исключительно формальных критериев различия (например, обозначение военных баз или заводов) сохраняется риск непреднамеренного ущерба гражданским объектам из-за близости к зоне боевых действий или технических ошибок [Дугина, 2007]. Однако, например, в уже вышеприведенном конфликте между Израилем и Палестиной, мы можем увидеть как действия спонтанных массовых преступлений привели к уничтожению 72% всей территории сектора газа [Разрушения в Газе, 2025].

Понятно, что в случае вторжения на свою землю население возьмет оружие, и понятно, что таким образом именно население поставит себя под удар, но современное МПП не делает фактически ничего для предотвращения этого факта. Оно лишь описывает, что нельзя делать как последствие.

Заключение

Таким образом, МПП не успевает адаптироваться к новым формам участия в конфликтах. Отсутствие регулирования для ЧВК, противоречивые трактовки статуса иностранных добровольцев и несовершенство норм для *levée en masse* создают постоянно ухудшающиеся условия для безнаказанности. Даже при формальном соблюдении законов войны (например, открытое ношение оружия), стихийные участники сопротивления рискуют спровоцировать репрессии против гражданских, как это произошло на Крите.

Статус комбатанта требует радикального пересмотра. Необходимо четко закрепить вмешательство иностранцев, чвк, наемников и других лиц схожего характера в международные и немеждународные конфликты. Необходимо Уточнить критерии *levée en masse*, усилив требования к отличительным знакам и подчинению командованию или же попросту отменить это определение в целом, из-за их крайне негативного влияния на положение гражданского населения. Наконец, необходимо разработать механизмы контроля за соблюдением принципа различия, включая санкции за использование тактики «растворения» в гражданской среде.

Без этих мер МПП рискует остаться архаичным инструментом, неспособным противостоять вызовам гибридных войн и коммерциализации военных действий. В итоге это приведет к нарастающим противоречиям внутри норм, безнаказанности преступников, отсутствию каких-либо определенных мер, и наконец, потерям человеческих жизней. МПП создавалось для возможности регулировать ход военных действий и участие заинтересованных лиц, но в итоге даже из определения участников этих самых войн можно вынести неопределенность.

Библиография

1. Code of Conduct for Combatants - (интернет-источник) // URL: <https://www.icrc.org/sites/default/files/external/doc/en/assets/files/publications/icrc-0526-002.pdf>
2. Гагская конвенция (IV) о законах и обычаях сухопутной войны и Приложение к ней: Положение о законах и обычаях сухопутной войны // URL <https://www.refworld.org/ru/legal/intinstrument/icrc/1907/ru/31788>
3. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ К ЖЕНЕВСКИМ КОНВЕНЦИЯМ ОТ 12 АВГУСТА 1949 ГОДА, КАСАЮЩИЙСЯ ЗАЩИТЫ ЖЕРТВ МЕЖДУНАРОДНЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ // URL https://www.icrc.org/sites/default/files/external/doc/ru/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf
4. Кулебякин В.Н., Королькова Е.Е. Статус сотрудников частных военных и охранных компаний по международному гуманитарному праву. Московский журнал международного права. 2015;(4):27-42. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2015-4-27-42>

5. Протоколы свидетельских показаний Комитета по иностранным делам. Глава 2 – перспектива частных военных компаний - (интернет-источник) // URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm200102/cmselect/cmfaff/922/2061322.htm>
6. Кулебякин В.Н., Пронина Е.Е. Регулирование деятельности частных военных и охранных компаний в национальном и международном праве. Московский журнал международного права. 2014;96(4):4-15. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2014-4-4-15>
7. Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mercen.shtml
8. Навигация в серой зоне: регулирование ЧВОК - (интернет-источник) // URL: https://www.policycenter.ma/sites/default/files/2022-04/PB_27-22_Mquirmi.pdf
9. Увеличивающаяся роль ЧВОК – Директорат Внешней Политики ЕС - (интернет-источник) // URL: <https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/175487/20080513ATT28807EN.pdf>
10. Основатель компании отрицает связь ЧВК «Вагнер» с российской армией - (интернет-источник) // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5839198>
11. Десять лет «ЧВК Вагнер»: как создавалось самое известное русское подразделение - (интернет-источник) // URL: <https://19rusinfo.ru/politika/67321-desyat-let-chvk-vagner-kak-sozdavalos-samoe-izvestnoe-russkoe-podrazdelenie>
12. Саврыга К.П. Международно-правовая ответственность государства-нанимателя за противоправные действия частных военных и охранных компаний. Московский журнал международного права. 2013;(4):70-88. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2013-4-70-88>
13. Зеленский заявил, что 16 000 иностранцев добровольно отправились сражаться за Украину - (интернет-источник) // URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/03/03/zelensky-ukraine-16000-foreign-volunteers-russia/>
14. Сравнение зарплат солдат вооруженных сил Европейского Союза - (интернет-источник) // URL: <https://euromil.org/wp-content/uploads/2020/02/Working-Paper-Major-GS-Ren%C3%A9-Schulz-with-Annex.pdf>
15. Экс-офицер СБУ заявил о росте числа наемников в ВСУ на линии фронта - (интернет-источник) // URL: <https://tass.ru/voennaya-operaciya-na-ukraine/23622643>
16. Рада одобрила законопроект о гражданстве для иностранных наемников - (интернет-источник) // URL: <https://ria.ru/20240820/ukraina-1967328051.html>
17. Киев подтвердил участие наемников-иностранцев в войне на Донбассе - (интернет-источник) // URL: <https://rg.ru/2014/08/07/soldudachi.html>
18. Котляров И.И., Пузырева Ю.В. Гражданская война в Украине: международное право и уголовная ответственность индивидов за совершение международных преступлений. Московский журнал международного права. 2014;96(4):16-39. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2014-4-16-39>
19. Саяпин С.В. Международный Комитет Красного Креста и гражданские права человека (Часть 1). Московский журнал международного права. 2012;(1):55-88. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2012-1-55-88>
20. Албаниз обещает «самые решительные меры из возможных» в случае гибели австралийского военнопленного, сражающегося за Украину против России - (интернет-источник) // URL: <https://edition.cnn.com/2025/01/15/australia/albanese-strongest-action-russia-pow-intl-hnk/index.html>
21. Норма 5. Определение гражданских лиц России - (интернет-источник) // URL: <https://ihl-databases.icrc.org/customary-ihl/v1/rule5>
22. Немецкое вторжение на Крит - (интернет-источник) // URL: <https://casebook.icrc.org/case-study/german-invasion-crete>
23. Израиль, военный прокурор против Кассема и других - (интернет-источник) // URL: <https://casebook.icrc.org/case-study/israel-military-prosecutor-v-kassem-and-others>
24. Афганистан: тактика Талибана подвергает опасности мирных жителей - (интернет-источник) // URL: <https://www.amnesty.org/en/latest/press-release/2015/09/afghanistan-taliban-tactics-put-civilians-in-harms-way/>
25. Гражданское сопротивление на Крите: 20 мая 1941 г. - 15 мая 1945 г. - (интернет-источник) // URL: <https://apps.dtic.mil/sti/tr/pdf/ADA600248.pdf>
26. Человеческие потери в результате войны Израиля в секторе Газа — в цифрах - (интернет-источник) // URL: <https://www.aljazeera.com/news/2025/1/15/the-human-toll-of-israels-war-on-gaza-by-the-numbers>
27. Убитые и раненые мирные жители - (интернет-источник) // URL: <https://watson.brown.edu/costsofwar/costs/human/civilians>
28. Русинова В.Н. Руководство Международного комитета Красного Креста по толкованию понятия «непосредственное участие в военных действиях»: pro et contra. Московский журнал международного права. 2011;(4):19-36. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2011-4-19-36>
29. Дугина Ю.В. Защита гражданских объектов как принцип международного гуманитарного права. Московский журнал международного права. 2007;(1):34-45. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2007-1-34-45>
30. Спутниковые снимки показывают разрушения и устойчивость Газы в условиях неразрешенной войны - (интернет-источник) // URL: <https://www.bloomberg.com/graphics/2025-gaza-damage-assessment/>

The Need to Reconsider the Definition of a Combatant in the Context of Evolving Armed Conflicts

Valentina G. Mikrina

PhD in Law, Associate Professor,
Acting Head of the Department of Public Law,
Odintsovo Branch,
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
143007, 3, Novo-Sportivnaya str., Odintsovo, Russian Federation;
e-mail: Mikrina@mail.ru

Georgii O. Nazarov

Student,
Odintsovo Branch,
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
143007, 3, Novo-Sportivnaya str., Odintsovo, Russian Federation;
e-mail: info@publishing-vak.ru

Abstract

The article examines contemporary challenges to international humanitarian law posed by the transformation of armed conflicts and the need to reconsider traditional legal categories. It focuses on the problem of defining combatant status in the context of hybrid warfare, the involvement of private military companies, and the increasing participation of civilians in conflicts and their presence in active combat zones. The authors analyze the provisions of the Geneva Conventions and Additional Protocols, assessing their adequacy in addressing modern conflict dynamics where the distinction between combatants and civilians has become increasingly blurred. The study explores legal ambiguities in qualifying participants of hostilities and their implications for civilian protection, accountability for violations, and compliance with fundamental principles of international humanitarian law. The article substantiates the necessity of adapting legal norms to new realities, including the development of universal criteria for combatant identification and strengthening international legal mechanisms for oversight.

For citation

Mikrina V.G., Nazarov G.O. (2025) Neobkhodimost peresmotra opredeleniya kombatanta v usloviyakh menyayushchikhsya vooruzhennykh konfliktov [The Need to Reconsider the Definition of a Combatant in the Context of Evolving Armed Conflicts]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (3A), pp. 663-675.

Keywords

International humanitarian law, combatant, hybrid conflicts, private military companies, legal status, Geneva Conventions, civilian population, non-state actors.

References

1. Code of Conduct for Combatants - (online source) // URL: <https://www.icrc.org/sites/default/files/external/doc/en/assets/files/publications/icrc-0526-002.pdf>
2. The Hague Convention (IV) on the Laws and Customs of Land Warfare and its Annex: Regulations on the Laws and Customs of Land Warfare // URL <https://www.refworld.org/ru/legal/intinstrument/icrc/1907/ru/31788>
3. ADDITIONAL PROTOCOL TO THE GENEVA CONVENTIONS OF AUGUST 12, 1949, CONCERNING THE PROTECTION OF VICTIMS OF INTERNATIONAL ARMED CONFLICTS // URL https://www.icrc.org/sites/default/files/external/doc/ru/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf
4. Kulebyakin V.N., Korolkova E.E. The status of employees of private military and security companies under international humanitarian law. *Moscow Journal of International Law*. 2015;(4):27-42. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2015-4-27-42>
5. Minutes of the testimony of the Committee on Foreign Affairs. Chapter 2 – the perspective of private military companies - (online source) // URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm200102/cmselect/cmfa/922/2061322.htm>
6. Kulebyakin V.N., Pronina E.E. Regulation of the activities of private military and security companies in national and international law. *Moscow Journal of International Law*. 2014;96(4):4-15. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2014-4-4-15>
7. International Convention for the Suppression of the Recruitment, Use, Financing and Training of Mercenaries // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mercen.shtml
8. Navigation in the gray zone: PMSC regulation - (Internet source) // URL: https://www.policycenter.ma/sites/default/files/2022-04/PB_27-22_Mquirmi.pdf
9. The increasing role of PMSCs – the EU Foreign Policy Directorate - (online source) // URL: <https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/175487/20080513ATT28807EN.pdf>
10. The founder of the company denies the connection of PMC Wagner with the Russian army - (online source) // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5839198>
11. Ten years of PMC Wagner: how the most famous Russian unit was created - (online source) // URL: <https://19rusinfo.ru/politika/67321-desyat-let-chvk-vagner-kak-sozdavalos-samoe-izvestnoe-russkoe-podrazdelenie>
12. Savryga K.P. International legal responsibility of the employing state for illegal actions of private military and security companies. *Moscow Journal of International Law*. 2013;(4):70-88. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2013-4-70-88>
13. Zelensky said that 16,000 foreigners voluntarily went to fight for Ukraine - (online source) // URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/03/03/zelensky-ukraine-16000-foreign-volunteers-russia/>
14. Comparison of salaries of soldiers of the armed forces of the European Union - (online source) // URL: <https://euromil.org/wp-content/uploads/2020/02/Working-Paper-Major-GS-Ren%C3%A9-Schulz-with-Annex.pdf>
15. An ex-SBU officer announced an increase in the number of mercenaries in the Armed Forces of Ukraine on the front line - (online source) // URL: <https://tass.ru/voennaya-operaciya-na-ukraine/23622643>
16. The Rada approved the bill on citizenship for foreign mercenaries - (online source) // URL: <https://ria.ru/20240820/ukraina-1967328051.html>
17. Kiev confirmed the participation of foreign mercenaries in the war in Donbas - (online source) // URL: <https://rg.ru/2014/08/07/soldudachi.html>
18. Kotlyarov I.I., Puzyreva Yu.V. The civil war in Ukraine: international law and criminal responsibility of individuals for committing international crimes. *Moscow Journal of International Law*. 2014;96(4):16-39. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2014-4-16-39>
19. Sayapin S.V. The International Committee of the Red Cross and Civil human rights (Part 1). *Moscow Journal of International Law*. 2012;(1):55-88. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2012-1-55-88>
20. Albaniz promises "the most drastic measures possible" in the event of the death of an Australian prisoner of war fighting for Ukraine against Russia - (online source) // URL: <https://edition.cnn.com/2025/01/15/australia/albanese-strongest-action-russia-pow-intl-hnk/index.html>
21. Norm 5. Definition of Russian civilians - (online source) // URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ru/customary-ihl/v1/rule5>
22. The German invasion of Crete - (online source) // URL: <https://casebook.icrc.org/case-study/german-invasion-crete>
23. Israel, military prosecutor v. Kassem and others - (online source) // URL: <https://casebook.icrc.org/case-study/israel-military-prosecutor-v-kassem-and-others>
24. Afghanistan: Taliban tactics endanger civilians - (online source) // URL: <https://www.amnesty.org/en/latest/press-release/2015/09/afghanistan-taliban-tactics-put-civilians-in-harms-way/>
25. The civil resistance in Crete: May 20, 1941 - May 15, 1945 - (online source) // URL: <https://apps.dtic.mil/sti/tr/pdf/ADA600248.pdf>
26. Human losses as a result of the Israeli war in the Gaza Strip — in figures - (online source) // URL: <https://www.aljazeera.com/news/2025/1/15/the-human-toll-of-israels-war-on-gaza-by-the-numbers>
27. Killed and wounded civilians - (Internet source) // URL: <https://watson.brown.edu/costsofwar/costs/human/civilians>
28. Rusinova V.N. Guidelines of the International Committee of the Red Cross on the interpretation of the concept of "direct

-
- participation in military operations": pro et contra. *Moscow Journal of International Law*. 2011;(4):19-36. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2011-4-19-36>
29. Dugina Yu.V. Protection of civilian objects as a principle of international humanitarian law. *Moscow Journal of International Law*. 2007;(1):34-45. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2007-1-34-45>
30. Satellite images show the destruction and resilience of Gaza in an unresolved war - (online source) // URL: <https://www.bloomberg.com/graphics/2025-gaza-damage-assessment/>